

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

Эволюция коммуникативной роли православной церкви на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Шевкун П.В.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

Внимание к истории белорусского православия обусловлено не только особым местом церкви в современной системе конфессиональных отношений, но и ее значимостью в период трансформации традиционного общества и формирования наций.

Цель работы – определить роль православной церкви на территории Беларуси в политически значимой коммуникации периода Российской империи 1772–1825 гг.

Материал и методы. *Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, а также уже введенной в научный оборот информации. Используются специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.*

Результаты и их обсуждение. *Анализ источников свидетельствует, что процессы трансформации, происходившие в социальной системе Российской империи, отразились и на положении православной церкви в регионе. В условиях роста ее значения в политической коммуникации православные епархии белорусско-литовских губерний оказались в непростой ситуации. Незначительное количество православного дворянства затрудняло символическую деятельность церкви по легитимации существовавшей системы общественных отношений. Однако с точки зрения российских властей это была важнейшая функция церкви. Поэтому правительство предприняло ряд шагов по нормализации конфессиональной обстановки на территории Беларуси, наряду с мерами, содействовавшими усилению коммуникативных возможностей церкви.*

Заключение. *В рассматриваемое время на фоне интенсификации социальных связей наблюдается усиление роли православной церкви региона в трансляции политически значимой информации. Специфика была вызвана дисбалансом в сословно-конфессиональной структуре и особенностями идеологических концепций Павла I и Александра I.*

Ключевые слова: *православная церковь, информация, правительство, сословие, легитимность.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 49–57)

Evolution of the Communicative Role of the Orthodox Church on the Territory of Belarus in 1772–1825

Shevkun P.V.

*Educational establishment «Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University»,
Vitebsk*

Attention to the history of the Belarusian Orthodox Church is caused not only by a special place of the church in the modern system of confessional relations, but also by its importance in the transformation period of a traditional society and the formation of nations.

The aim of the work is to determine the role of the Orthodox Church on the territory of Belarus during the politically significant communication of the period of the Russian Empire.

Materials and methods. *The research was carried out on the basis of the information contained in the funds the National Historical Archives of the Republic of Belarus, the Russian State Historical Archive, Complete Collection of Laws of the Russian Empire as well as the information that is available in research circulation. Special historic methods were applied such as historical and genetic, historical and comparative and historical and system ones.*

Findings and their discussions. *The analysis of the sources indicates that the processes of transformation occurring in the social system of the Russian Empire also affected the position of the Orthodox Church in the region. With the increase in its value in political communication, Orthodox Dioceses of the Belarusian-Lithuanian Regions found themselves in a difficult situation. The small number of Orthodox nobility retarded the symbolic activity of the Church on legitimization of the existing system of social relations. At the same time, according to Russian authorities, that was the most important function of the Church. To solve the problem, the government took some steps to normalize the confessional situation in Belarus along with the measures contributing to strengthening of the communicative abilities of the Church.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: p.shevkun@mail.ru – П.В. Шевкун

Conclusion. Against the background of intensification of social relations, strengthening of the role of the Orthodox Church of the region in broadcasting policy-relevant information took place. Specificity of the communicative activity of the Church was caused by social strata and confessional imbalances and features of ideological concepts of Paul I and Alexander I.

Key words: Orthodox Church, information, government, social status, legitimacy.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 49–57)

В конце XVIII – XIX в. на территории Восточной Европы церковь сохраняла ключевую роль в жизни общества. Удовлетворяя религиозные потребности населения, она была средством сакральной и социальной коммуникации¹. Сакральной – поскольку через религиозные ритуалы человек считал, что осуществляет связь со сверхъестественным; социальной – так как церковь служила средством легитимации социальной структуры общества, предоставляла исчерпывающую информацию о ней, обеспечивала связь между сословиями, а также государством и обществом. Церковь определяла ход времени, наполняя его социально значимыми событиями: праздниками, памяtnыми датами. К ним, как правило, были приурочены политические и экономические мероприятия регионального и общегосударственного значения. Она являлась единственной социальной структурой, которая соприкасалась со всеми сословиями и, при необходимости, могла предоставить информацию о них, а также быть средством, с помощью которого государственная власть доводила до населения собственные решения. Храм являлся тем местом, которое физически объединяло представителей всех сословий. Церковь, вписывая систему общественных отношений в вечный, божественный миропорядок, формировала, таким образом, ее традиционный характер. Это, в свою очередь, подразумевало уникальность церкви, поскольку потребности в иных источниках и средствах коммуникации, превосходящих корпоративный уровень, были минимальны в социуме, основанном на религиозной санкции.

Важнейшим условием успешного выполнения коммуникативной роли церкви являлась принадлежность абсолютного большинства представителей всех сословий страны к одной конфессии. В противном случае у верующего не формировалось целостного представления об обществе, поскольку его важнейшие структурные элементы освящали раз-

личные религиозные направления, применяя для этого соответствующую им символику. В сознании подданного возникал диссонанс между сакральным (который по определению моноконфессионален) и социальным мирами. Взрывоопасная ситуация кризиса легитимности общественной системы должна была предполагать чрезвычайные меры для ее решения, так как в противном случае вставал вопрос о перспективах дальнейшего существования данного государства.

Цель работы – определить роль православной церкви на территории Беларуси в политически значимой коммуникации периода Российской империи 1772–1825 гг.

Историография не содержит специальных исследований. В силу этого ее обзор ограничен работами, в которых затрагиваются отдельные аспекты проблемы. В наиболее полном объеме он содержится в сборнике, изданном Институтом истории НАН Беларуси, в исследовании Е.Н. Филатовой, а также в монографии автора [2–4].

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь, Российского государственного исторического архива, а также информации, введенной уже в научный оборот и освещающей различные аспекты развития православной церкви на территории Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Они позволили показать специфику и место православной церкви в политически значимой коммуникации на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Результаты и их обсуждение. Специфика территорий Речи Посполитой, присоединенных в правление Екатерины II к Российской империи, заключалась в поликонфессиональном характере региона и слабых позициях, количественных и социальных, господствующего в империи православного вероисповедания [3, с. 16]. Это имело серьезные последствия, поскольку российская власть была фактически лишена важнейшего средства лояль-

¹ Коммуникация – это передача информации от одной социальной системы к другой, обмен информацией между различными системами посредством символов, знаков и образов [1, с. 372].

ной коммуникации, с помощью которого можно было рассчитывать на легитимность и, при необходимости, на интенсификацию обмена информацией на разных уровнях.

При Екатерине II православная церковь, наряду с другими церквями региона, продолжала существовать в той системе социальных отношений, которая была выстроена ранее. Задачи интенсификации социальных связей и мобилизации общества не ставилось, решалась лишь проблема легитимности династии в соответствии с прагматическим духом просвещенного абсолютизма, то есть в обмен на привилегии. Предполагалось, что сакральная символика, в рамках которой утверждалось божественное право определенной династии на власть, не имеет решающего значения в среде аристократии, а именно она и являлась субъектом политической жизни. В этой ситуации лояльность неправославного дворянства, в состав которого входило и католическое духовенство, должна была обеспечить успешность приспособления имперской административной системы к местным особенностям. В таких условиях православная церковь выполняла лишь тот коммуникативный минимум, который осуществляла и ранее. Потребности в ее численном росте просто не было. Католическая церковь, благодаря распространению унии, являлась институтом, объединявшим все сословия региона. В это время имперская администрация даже не видела необходимости в организации православных соборов для армии и своей администрации, подразумевая, что стабильность социальной системы в основном обеспечивается за счет сословных привилегий.

Некоторые изменения в отношении к православию произошли в начале 80-х гг. XVIII в. и в конце правления Екатерины II. Они выразились в содействии государства православным миссионерам по присоединению униатов, которые в абсолютном большинстве относились к непривилегированным сословиям. Однако и в первом, и во втором случае такое содействие было исключением из правил, выработанных для регулирования отношений между государством и конфессиями. В первом случае это было связано с данными ранее обещаниями правительства о поддержке православной церкви на территории Речи Посполитой и проводилось в незначительном масштабе. Во втором – мы видим спонтанную реакцию на шляхетское восстание под руководством Т. Костюшки, которая свидетельствовала скорее о растерянности императорского

двора и неспособности предложить какое-либо концептуальное видение решения проблемы легитимности власти в регионе. Екатерина II попыталась разорвать религиозную коммуникацию между аристократией и простым населением в страхе перед распространением восстания, несмотря на то, что увеличение православия за счет податных сословий могло привести к нарушению стабильности сословной социальной системы в условиях крепостного права и не решало проблему легитимности династии Романовых перед католической аристократией. В документах того времени сохранились свидетельства, что крестьяне, принимая православие, рассчитывали на освобождение от крепостной зависимости, на перевод в категорию государственных, либо просто на смягчение повинностей [4, с. 66].

В результате административного давления в 1794–1797 гг. православные составили большинство только в Могилевской губернии [5]. В западной части Беларуси и в Витебской губернии православных церквей по-прежнему было мало [4, с. 182, 187–188]. Приходы православной Минской епархии насчитывали не более 263 тысяч, в то время как численность населения в Минской губернии была около 875 тысяч человек [6]. Тем не менее, православная церковь существенно укрепила свои позиции, превратившись в значимый социальный институт региона. Это имело серьезные последствия: во-первых, с точки зрения легитимации социальных отношений, так как православными верующими господство католической аристократии не могло рассматриваться как естественный порядок, во-вторых, церковь, вместо идеи стабильности и неизменности социальной системы, в рамках которой происходил обмен информацией, становилась средством коммуникации, провоцирующим социальные изменения. Это не могло не обращать на себя внимания российских властей.

В правление Павла I происходит постепенное усложнение коммуникативной роли православной церкви как в целом в империи, так и в регионе. Это было вызвано социальными изменениями, проявлявшимися в усилении роли государства в жизни общества, оптимизации сословной структуры, создании системы образования, ориентированной на количественный и качественный рост, в отличие от предыдущего времени, связанного с простым воспроизводством, интенсификации экономических контактов, а также проникновением секулярной национальной идеи.

Император обращал гораздо большее, в сравнении с предыдущим правлением, внимание на проблемы православной церкви, в том числе и в регионе. Однако подходил предельно реалистично, понимая, что в тогдашней системе социальных отношений количественный рост православной церкви, который осуществлялся за счет низших сословий, не приведет к качественному изменению ее роли в жизни общества. В этой ситуации можно было лишь позаботиться об организации центров православия в белорусско-литовских губерниях, прежде всего, для осуществления необходимой коммуникации армии и российского чиновничества, чтобы они не выпали из сакрально-информационного поля православной церкви. 18 декабря 1797 г. правительство инициировало создание соборов в уездных городах «губерний, присоединенных от бывшей Речи Посполитой» [7, л. 299–300].

Павел I в рамках интенсификации социальной жизни стремился использовать церковь как важнейший фактор мобилизации традиционного общества, в центре которого должна была быть фигура императора. При таком подходе к конфессиям важнейшая роль отводилась трансляции информации, способствовавшей процессу консолидации шляхты присоединенных земель от бывшей Речи Посполитой вокруг трона, и противостоянию национально ориентированным республиканским идеям революционной эпохи. Павел I рассчитывал укрепить традиционный имперский универсализм, поколебленный Французской революцией, и с новой силой утвердить сакральные, вненациональные основы монархии. Император воспользовался идеей рыцарства, которая удачно совмещала через принцип служения религиозные и светские начала. Религиозный компонент рыцарства придавал высший смысл начинаниям императора, а духовенство, через получение орденов и, соответственно, причисление к орденским объединениям, становилось средством популяризации этой идеи, усиливая ее религиозную составляющую. Будучи замкнутым на фигуре правителя, рыцарское служение рассматривалось как способ преодоления конфессиональной разобщенности аристократии.

В представлении Павла I образ императора находился над конфессиональными отличиями. Это позволило обосновать политику веротерпимости в отношении неправославных христианских конфессий, прежде всего к католицизму как наиболее мощной религиозной

контрреволюционной силе Европы. В 1798 г. были открыты шесть епархий католической церкви, униатские архиепископство Полоцкое и две епархии: Брестская и Луцкая. В 1798 г. Павел I посетил коллегиум иезуитов в Орше, а в конце 1800 г. Папа Римский получил приглашение царя переехать, при неблагоприятных политических обстоятельствах, в Санкт-Петербург [8, с. 79]. Подобная деятельность позволяла интенсифицировать коммуникацию государства с неправославными религиозными объединениями, так как показывала, что император, вне зависимости от своей религиозной принадлежности, способен заботиться обо всех конфессиях.

Вместе с тем, интенсификация социальных отношений подразумевала участие в этом и непривилегированных сословий. Именно с недолгого правления Павла I можно говорить, что происходит «открытие» простого народа. Выразилось это вполне по традиционалистски – через внимание к его религиозности, которая рассматривалась как важнейший фактор верноподданничества.

Специфика «открытия» простого народа достаточно наглядно проявилась в позиции правительства по вопросу присоединения униатов к православию. Павел I воспринимал политическую субъектность непривилегированных сословий через посредство религиозной сферы. Религиозность, как таковая, не имела ни сословных, ни конфессиональных границ. Именно она должна была обеспечить надежную степень коммуникации власти с подданными. Это обусловило отношение императора к унаследованной от Екатерины II политике массовых присоединений униатов.

3 апреля 1797 г. последовал указ губернаторам западных губерний. В нем определялись необходимые условия и политически значимые цели, которые преследовало правительство, воздействуя на религиозность подданных. Отмечалось, что «свобода веры и оставление каждому исповеданию оной по собственному убеждению совести есть наилучшее средство сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие». Обязанностью администрации было наблюдение, «дабы различие закона не служило никому поводом притеснять друг друга, но каждый бы оставался при исповедании того, к коему совесть его прикрепляет, был добрым и мирным гражданином» [9].

В указе Св. Синода Минскому архиепископу Иову от 11 сентября 1797 г. разрешалось

агитировать о присоединении к православию «апостольским учением и увещанием со всякою кротостию, терпением и человеколюбием». С целью сохранения позиций православия униатских священников, у которых были прихожане в смешанных приходах, обязали сдавать метрические книги православному архиепископу [10, л. 7–8 об.]. Это явилось отражением снижения значимости конфессиональных границ в представлении российских властей, когда вопрос касался политически значимой информации.

В результате политика массовых присоединений униатов к 1799 г. была окончательно свернута, так как обострение межконфессиональной вражды только усложняло коммуникацию власти и подданных, сужало необходимое для нее ментальное пространство, над расширением которого и работало правительство, предпринимая мероприятия по интенсификации религиозности населения. Поэтому максимально спокойное и бесконфликтное состояние являлось одним из приоритетов деятельности императора. Именно к этому времени отнесли священники петриковских церквей Мозырского уезда появление традиции участия православного духовенства в католическом празднике Божьего Тела. При этом католическое духовенство также производило колокольный звон «во дни храмовые и праздничные» [11, л. 8 об., 9]. Иерархию ориентировали в первую очередь на духовное совершенствование как способ усиления веры и, соответственно, политической лояльности населения, а не на конфессиональное размежевание.

В подобный подход органично вписывались проводимые мероприятия по регламентации системы преподавания. Кроме того, впервые семинаристов обязали приобретать «нужные сведения о сельской и домашней экономии», иметь «некоторое понятие о врачевании болезней». Подразумевалось, что священники должны занять более активную позицию в жизни прихода [12]. Манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о не принуждении работать в дни воскресные» был принят, прежде всего, для того, чтобы у крестьян оставалось время для еженедельного посещения церкви. В случае отсутствия возможности у них посещать церковь священников обязали самих приезжать в деревни [13, л. 3 об.].

Правительство ожидало от духовенства более активной коммуникации с населением, которая бы не ограничивалась собственно ре-

лигиозной практикой. Более того, произошла попытка своеобразной трансформации сакральной коммуникации в социальную, когда авторитет духовенства должен был способствовать интенсификации социальных связей, вводя их в религиозный контекст. Предполагалось, чтобы духовенство «учением и примером собственным утверждало бы духовных чад своих в спокойствии, послушании и добрых поступках» [14, л. 12–13]. Особое место в рапортах архиереев о состоянии епархий отводилось сообщениям о чтении в церквях поучений. В указе от 22 марта 1800 г. была подчеркнута обязанность причта не менее пяти раз в неделю совершать службу, произносить ежедневные поучения, а также проповедовать в воскресные и праздничные дни [15].

На особом контроле государства находилась деятельность церкви по предоставлению необходимой информации. Так, в 1799 г. Гомельское духовное правление было оштрафовано на 25 рублей за «не предоставление в срок» троечастных ведомостей (регистрация рождения, брака и смерти) [16, л. 12, 41, 64]. В последующее правление такой контроль был еще более усилен. С 25 августа 1802 г. приходские священники начали доставлять ведомости как в консисторию, так и в полицию для ежегодной сверки. В 1812 г. и в 1824 г. Св. Синод подтвердил необходимость соблюдения правил при ведении церковной отчетности [17].

Дисциплинарный надзор над духовенством являлся важнейшим средством актуализации коммуникативной роли церкви. Указ 7 мая 1797 г. был наиболее значимым. В нем определялись обязанности духовенства в случае неповиновения крестьян помещикам. Распоряжением Св. Синода от 9 июля 1800 г. причастного к крестьянским беспорядкам священника епархиальные власти должны были «отреша от прихода, и запрета священнослужение, отсылать к суждению в светское правительство». Епископов обязали собирать с благочинных отчеты о поведении клириков не реже одного раза в два года. Благочинным предписали не менее двух раз в год осматривать церкви, количество которых ограничили 10–15-ю и вести журнал о поведении причтов [4, с. 44]. В феврале 1797 г. император указал духовным властям, чтобы «в сан сей поступали люди надежные, всякого буйства чуждые, и в поведении беспорочном испытанные». В июне 1797 г. установили порядок приема в причт: «... производить не иначе, разве от духовного правле-

ния и от благочинного будет о честном поведении его засвидетельствовано» [4, с. 44].

Указами 6 мая 1791 г. и 22 марта 1800 г. определялся комплекс мер по контролю над поведением священно- и церковнослужителей. Епископы должны были сделать благочинным подтверждение о «дейтельнейшем исправлении ими своей должности», так как правительство усматривало их вину в непрекращающихся случаях «неустройства и безчинства». Церковному причту запретили посещать ярмарки и базары. Замеченных в пьянстве клириков благочинным предписали отправлять в Архиерейский дом под надзор, а при повторных случаях священников и диаконов могли лишиться чина, причетников же отослать в рекруты [18]. Этими мерами власти рассчитывали воздействовать на народную религиозность, сделав ее более устойчивой и мобильной в условиях происходящих в Европе социальных перемен, которые уже начинали докатываться и до Российской империи.

Контроль подразумевал и определенные привилегии, которые демонстрировали простому населению особый статус духовенства, упрощая коммуникацию. В правление Павла I сумма выплат причтам была увеличена более чем в два раза. Архиерейским домам отвели земли, рыбные ловли и мельницы. Впоследствии эти привилегии еще более расширили. В январе 1798 г. были инициированы мероприятия по наделению сельских церквей землей [4, с. 38–40].

Таким образом, Павел I посредством воздействия на религиозность подданных стремился не только к повышению уровня лояльности существующей социальной системе, но и к своеобразной мобилизации общества. В этом конфессиям придавалась одна из ключевых ролей. Церковные структуры являлись фактором не просто трансляции информации, а способом интенсификации религиозности, которая приобретала черты индивидуализированного подхода. Однако здесь возникали и существенные проблемы. Акцент на религиозности подданных ставил под вопрос конфессиональный характер традиционной монархической государственности, когда политические границы коррелировали с конфессиональными, находя в последних свое обоснование. Если же важна была не конфессиональная принадлежность, а религиозность, то в таком случае иного обоснования существовавших государственных границ, кроме права сильного, просто не оставалось. Также возникала

проблема обоснования сословных границ, поскольку для этого предусматривалась прямая аналогия небесного строя и земного. Всесословное прочтение религиозности свидетельствовало о размывании символической связи социального и сакрального миров. Религиозная жизнь крестьян не должна быть похожа на помещицкую. В противном случае «земная» иерархия переставала соответствовать «небесной», лишаясь тем самым легитимности в глазах дискриминируемого большинства.

Смерть российского императора 11 марта 1801 г. привела и к смене наиболее специфических элементов в доктрине правления. Александр I также стремился найти обновленную форму традиционному монархизму, то есть актуализировать сакральные основания монархии. Он рассчитывал на интенсификацию религиозной жизни, основываясь на мистической идее. В ней догматико-обрядовая сторона, различающая христианские вероисповедания, уступала по важности место религиозному переживанию, построению так называемой «внутренней церкви», что давало обоснование терпимого отношения к «церкви внешней», то есть традиционным христианским конфессиям. Мистическая религиозная практика создавала иллюзию возвращения к евангельскому прошлому, лежащему в основании различных направлений религии. При этом в данном случае не было разрыва с традиционными конфессиями. Император терпимо относился и к новым мистическим практикам, так как смысл и традиционных, и современных методов был один – полноценная, внутренне насыщенная религиозная жизнь.

В этих условиях не получила государственной поддержки инициатива Могилевского архиепископа Анастасия (Братановского) по активизации миссионерской деятельности в отношении униатов. Более того, правительство Александра I предпринимает целенаправленные действия по сохранению целостности конфессий [4, с. 62–64].

Религиозно-политическая составляющая доктрины Александра I нашла свое выражение в подписанной по его настоянию в 1815 г. декларации о создании Священного Союза. Этим документом император хотел подкрепить собственные идеи международной санкцией. Союз, заключенный монархами Австрии, Пруссии и России, символизировал единство всех христиан Европы. Его участники изображались частями «единого народа христианского» (суррогат национальной идеи

и традиционных клерикальных представлений). В акте об образовании Священного Союза говорилось, что «согласие Христианских Государей разных исповеданий признать Царствие Господа на земле и торжественный обет исполнять волю Его в отношении между собою, равно как и в правлении отраслями единого христианского народа, есть столь важное событие во времена наши, что все последствия онаго не могут быть обняты во всем пространстве». Эта декларация была нацелена, прежде всего, на внутреннее использование, поскольку должна была способствовать решению проблемы легитимности российской православной династии перед неправославными подданными. Документ свидетельствовал, что три монарха, представлявших православных, католиков и протестантов, управляли вверенными им Богом подданными как частями «единого христианского народа».

Ежегодно 14 сентября Манифест и акт Священного Союза читались в церквах, «дабы всем и каждому напомнить обет служения Единому Господу Спасителю, изреченный в Лице Вашем за весь народ, Богом вверенный Вашему Императорскому Величеству». Св. Синод распорядился поставить в храмах текст Манифеста и «заимствовать из оногo мысли для проповедей» [19, л. 81–84]. С точки зрения правительства они должны были составить сердцевину той политически значимой информации, которая доносилась церковью до населения.

Основной акцент государством был сделан на тех сторонах жизни православной церкви, которые имели отношение к ее роли в рамках социальной коммуникации. Так, были продолжены мероприятия в системе образования. По указу Св. Синода от 24 января 1803 г. семинаристов и священников привлекали к преподаванию в уездных училищах и гимназиях [20]. Реформы в сфере духовного образования начались 21 апреля 1805 г. указом Св. Синода о заведении при церквах приходских училищ для детей духовно- и церковнослужителей. В 1808 г. в Могилевской епархии открыли Гомельское и Невельское духовные училища, а в 1810 г. – еще 18. В 1808–1814 гг. была сформирована трехуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ. Реорганизация в Могилевской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилевской епархии закрыли 9 училищ и открыли 1 –

Велижское. В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища [4, с. 47–49].

Одним из элементов политики в области просвещения духовенства являлось снабжение епархий литературой. Наиболее распространенной практикой был централизованный заказ книг в Московской типографской конторе [21, л. 1а – 19 об.].

Важнейшим направлением вышеуказанных мероприятий было обучение прихожан. 25 января 1821 г. обобщили «правила преподавания в церквах учения». В свою очередь, епархиальных архиереев обязали «употребить ... попечение об усилении церковного наставления православного народа в вере и благодетели христианском» [15, с. 380, 381].

Также продолжились мероприятия по усилению административного контроля. По именному указу императора 8 декабря 1804 г. Св. Синод распорядился, «чтобы во время отправления в церквах службы Божией священно- и церковнослужители не только исполняли должность свою с благоговением, но и обходились между собою с всякою приличною святости места благопристойностию и уважением». Аналогичные указы принимались и впоследствии. В 1806 г. архиепископ Иов потребовал предоставить сведения из Мозырского и Слуцкого повета о священниках, предающихся пьянству. Таковых оказалось 7 человек. В качестве наказания они были сосланы в монастыри, а некоторые переведены в диаконы. Указ Св. Синода от 20 ноября 1806 г. предусматривал передачу церковнослужителей, совершивших преступления, в рекруты [4, с. 45–46].

На протяжении своего правления Александр I активизировал усилия по обеспечению причтов, принял серию указов, ограничивающих возможности полиции и светских судебных инстанций в отношении духовенства. Было закреплено равенство духовных депутатов с прочими членами гражданского суда. 17 апреля и 30 июня 1821 г. дома членов причтов, их вдов, сирот и уволенных по старости или болезням были освобождены от городских и полицейских повинностей. 30 сентября 1825 г. духовенство освободили от участия в ремонте дорог и гатей [4, с. 41–42].

Продолжил император и усилия по интенсификации контактов гражданских и духовных властей, подразумевая и разграничение сферы их компетенции. В указах 1807 и 1818 гг. содержалось требование о незамедлительном

выполнении губернскими правлениями решений епархиального руководства [22]. Указом Св. Синода от 22 августа 1812 г. обер-прокурор настаивал на доставлении ежегодно сведений о решенных и нерешенных делах по консисториям, в том числе и из-за отсутствия содействия гражданских властей. 7 ноября 1817 г. Св. Синод указал, чтобы губернаторы «не давали дозволений по предметам, до духовного ведомства принадлежащим» [4, с. 50]. Ранее, в 1815 г., Минская консистория распорядилась, чтобы помещики не вмешивались в выборы церковных старост. Это же предписание было дано из губернского правления в земские суды [10, л. 1, 1 об., 5].

Однако вышеотмеченных мероприятий было недостаточно для легитимации идейных новаций. В определенных кругах российского православного общества возникли сомнения в надежности связи православной церкви и монархии, поскольку высшая власть давала взаимоисключающие информационные послылы. Невозможно было поддерживать сложившуюся связь церкви и государства в условиях, когда оно стремилось к сближению с альтернативными православию религиозными объединениями. Это нарушало традиционную структуру общества, в которой иноверные корпорации в лучшем случае были терпимы. В конце своего правления Александр I фактически отказался от идей, на фоне которых происходило усиление коммуникативной роли православной церкви.

Заключение. Таким образом, если в 1772–1796 гг. правительство в отношении к православной церкви не выходило за рамки традиционных представлений о ее месте в обществе, то в 1796–1825 гг. этот подход менялся и церковь начала рассматриваться как средство мобилизации общества и контроля над ним. Ключевую роль в этом играла трансляция соответствующей этим задачам информации. Государство стремилось к влиянию на все социальные группы империи, вне зависимости от их религиозной и сословной принадлежности. Обеспечить подобное влияние должны были соответствующие религиозные структуры. В результате возникла необходимость дистанцирования от традиционных, конфессионально обусловленных принципов церковно-государственных отношений. Монархия стремилась к установлению коммуникации вне зависимости от религиозной принадлежности династии.

В этих условиях численный рост православия за счет присоединения униатов был из-

лишним. Тем не менее, на территории Беларуси произошло некоторое увеличение количества православных верующих в правление Екатерины II, что привело к существенному усложнению коммуникативной роли церкви. Это было связано не только с увеличившимся числом последователей, но и с особенностью социального состава верующих – фактическим отсутствием православной аристократии. Осуществление в условиях подобного дисбаланса легитимной политически значимой коммуникации было проблематично, поскольку закреплялось несоответствие социальной структуры общества ее сакральному прототипу. Предпринятая в правление Павла I и Александра I попытка включения православной церкви, в том числе и в регионе, в процесс интенсификации социальных связей только усиливала это несоответствие.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Общая социология: учеб. пособие / Е.М. Бабосов. – Минск: ТераСистемс, 2010. – 608 с.
2. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н.В. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В.В. Яноўская. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 447 с.
3. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 192 с.
4. Шевкун, П.В. Империя и церковь: российская политика в отношении православной церкви на территории Беларуси (1796–1855 гг.) / П.В. Шевкун. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 202 с.
5. Суммарийная ведомость о духовенстве светском епархии Полоцкой унитской, сочинена за 1807 г. // Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / сост. С.Г. Рункевич. – СПб.: Синод. тип., 1907. – Т. 2. – 1632 с. – Д. 3059. – С. 656–658.
6. Отчеты по Минской губернии за 1804–1810 гг. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1281. – Оп. 11. – Д. 76. – Л. 33.
7. Указы Св. Синода за 1798 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 7.
8. Эйдельман, Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.
9. О наблюдении свободы вероисповедания, на основании Высочайшего Манифеста Марта 18 дня сего года: Указ именной, данный Литовскому Губернатору Булгакову, 3 апреля 1797 г., № 17904 // Полное собр. законов Рос.

- империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIV. – С. 524.
10. Дело по всеподданнейшему письму Анастасия, епископа Белорусского, о дозволении присоединить униатов к грекороссийской церкви. 1801 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 796. – Оп. 2. – Д. 560.
  11. Дело по обвинению священников Петриковских церквей Мозырьского повета в участии в крестном ходе в день католического праздника Божьего Тела. 1833–1835 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 9778.
  12. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях: Высочайше утвержденный доклад Св. Синода, 31 октября 1798 г., № 18726 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXV. – С. 426–431.
  13. Дело о непосещении церкви крестьянами Панкратовичского прихода Бобруйского повета из-за ее отдаленности. 1825 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 6960.
  14. Указы Могилевской и Белорусской духовных консисторий за 1795–1798 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 3020. – Оп. 1. – Д. 12.
  15. О правилах преподавания в церквях учения: Указ Св. Синода, 25 января 1821 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879. – С. 95.
  16. Указы Белорусской консистории за 1798–1799 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 3020. – Оп. 1. – Д. 14.
  17. Подтверждение о ведении метрических и обычных книг в надлежащем порядке, и о доставлении из оных, по требованиям Присутственных мест, справок из самых Духовных Консисторий: Указ Св. Синода, 22 февраля 1812 г., № 25004 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXII. – С. 197–198.
  18. О невмешательстве в мирские дела и надзоре за поведением священников: Указ Св. Синода, 6 мая 1797 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1879. – С. 267–269.
  19. Указы МДК за 1797–1820 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 779. – Оп. 1. – Д. 1.
  20. Об учинении распоряжения со стороны Святейшего Синода по прикосновенным к духовной власти пунктам правил народного просвещения: Указ Св. Синода, 18 марта 1803 г., № 20671 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXVII. – С. 502–504.
  21. Переписка с Московской типографской конторой и Минским семинарским правлением о приобретении книг для Минской семинарии. 1803–1805 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 1480.
  22. О предписании всем Губернским Правлениям, дабы требуемые Духовными Консисториями сведения доставляемы были в оные безпрекословно: Указ Сената, 12 июля 1807 г., № 22551 // Полное собр. законов Рос. империи: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXIX. – С. 1215–1217.

Поступила в редакцию 24.03.2015 г.